

G. M. Lyon

Сборник рассказов на 15-летие Black Library

Сборник рассказов выпущенный к пятидесятилетию Black Library, данный сборник включает в себя только рассказы из серии Warhammer 40000.

Список представленных рассказов:

Смерть-гора; автор - Дэн Абнетт, перевод – AlexMustaeff

Имморталис; автор – Энди Смайли, перевод – godar

Лишь пепел остался; автор – Ник Кайм, перевод – AlexMustaeff

Легкая добыча; автор – К. З. Данн, перевод – d_xenon

Чтобы помнили; автор Аарон Дембски-Боуден, перевод – Stahlmanns Eisenfrau

Слабость других; автор – Лори Голдинг, перевод – Voss

Всё — прах; автор – Джон Френч, перевод – Voss

Дурной глаз; автор – Дэвид Эннендейл, перевод – AlexMustaeff

Армия из одного; автор – Роб Сандерс, перевод – AlexMustaeff

Смерть-гора

Дэн Абнетт

(пятнадцать лет спустя...)

Переводчик: AlexMustaeff

Приад из отделения «Дамокл», из Железных Змеев с Итаки, облачен в аспидно-серую броню, на одном наплечнике метка в виде извивающегося змея, голубого на белом фоне.

Железный Змей. Неудержимый. Безжалостный.

Час приближается. Последний час. Окончание битвы. Завершение дела. Поверхность его доспеха покрывают миллионы крошечных зарубок и вмятин, царапин и засечек.

Это место называется Бар'ад Атьёк. На языке зеленокожих это означает «Смерть-гора». Это высочайшая гора на западном континенте планеты под названием Корам Мот. Приад из отделения «Дамокл», из Железных Змеев с Итаки, знает это наверняка. Знает потому, что на западном континенте планеты Корам Мот не осталось ни одного места, ни одного пустынного захолустья, где бы он не побывал, которое бы не проверил, не очистил от врагов и не завоевал. Он знает, что Смерть-Гора выше всех других, потому что экран визора показывает ему это с точностью до восьми десятичных знаков. Она на шестьдесят один метр выше, чем Ош Тарр («Кровавая вершина»), и лишь на семь метров выше, чем Бар'ад Онкгрол («Гора костных мозгов»). Строго

говоря, выше этой горы на западном континенте мира Корам Мот ничего нет, и это имеет решающее значение.

Прогудел вокс-сигнал Маяку Итаки:

Точка встречи — наивысшая геоструктура/западный континент.

Зеленокожие поджидают в расщелинах скал, пока он поднимается. Еще один день на Корам Моте. Больше убийств, всегда больше убийств. Еще один день на Корам Моте. Дело в том, что этот — последний.

Приад из отделения «Дамокл», из Железных Змеев с Итаки, всё так же несет свой болтган, хотя с тех пор как на седьмом году миссии закончился последний боезапас, доставленный с орбиты, от него нет никакого прока. Это оружие слишком великолепно и драгоценно, чтобы просто его бросить. У Приада еще есть силовой меч и когти. Они всё еще действуют. Он также изготовил копье, но предыдущей ночью оно осталось в животе вожака зеленокожих на нижних склонах Бар'ад Атьёка.

Хотя какая разница, где оно осталось.

Первые зеленокожие несутся на него, яростно завывая. Все слюнявые, с отвисшими челюстями, за дрожащими губами видны гнилые зубы, звериные тела разукрашены охрой, мелом и синилью. В сторону Приада летят копыя и колуны. Еще больше крошечных отметок останутся на его броне.

Он здесь уже пятнадцать лет. Пятнадцать лет. Зеленокожие так и не поняли, что не смогут убить его. Они никогда не убьют его. Если он еще задержится здесь, высочайшей горой западного континента станет наваленная им куча зеленокожих трупов.

Он встречает первого орка, обхватывает его, лишая движения сочленениями доспехов, и отбрасывает в сторону, приветствует второго и сносит ему голову. Легкие врага всё еще выдыхают боевой клич, воздух выходит из перерезанной глотки с хлопаньем и треском, пока тело падает.

Кровавые капли в воздухе.

Третий. Топор из тусклой стали выбивает искры из наплечника Приада. Молниевые когти вонзаются в грудную клетку и глотку, пронзая плоть, словно вилкой мокрый пергамент. Четвертый. Меч отрубает ему руку, в которой зажат топор. Приад пинает врага, его усиленный удар отбрасывает искалеченного зеленокожего на каменистую осыпь, и тот кубарем катится вниз. Он ловит топор в воздухе. Тот все еще крутится и падает, выскользнув из мертвой руки, которая тоже все еще крутится и падает. Он двигается так быстро, что словно само время замедлилось в ожидании его, так, будто зеленокожий подвесил топор в воздухе для него, так, словно воздух держал его для Приада как послушный слуга.

Он ловит топор, разворачивает и погружает его в лицо пятого. Кровавые брызги. Вверх, вверх по склону.

Приад из отделения «Дамокл», из Железных Змеев с Итаки, был здесь пятнадцать лет. По человеческим меркам это большой отрезок жизни. По меркам Имперской Гвардии это долгое и жестокое путешествие в ад.

Для Приада это было обязанностью, временной занятостью, долгом. Тягостным, возможно, даже изнурительным, но все-таки всего лишь еще одним заданием, которое пополнит его послужной список, еще одним занятием, призванным скоротать его жизнь, практически бесконечную, если насильственная смерть не заберет её.

Он ждет новой встречи с Итакой. Он ждет встречи с Харибдис, лунной-крепостью, Домом Ордена. Он ждет встречи с братьями из отделения «Дамокл». Он ждет Обряда Возвращения. Лишь этим он утешает себя, лишь в этом его разум хранит остатки человечности, во всем остальном за пятнадцать лет превратившись в совершенное оружие.

Он ждет момента, когда сможет поговорить с другой живой душой впервые за всё время с начала задания. Слишком долгой была тишина. Он ждет момента, когда можно будет почистить и отремонтировать броню, отполировать миллион царапин, зарядить болтер, хорошенько выспаться — по-настоящему выспаться, а не довольствоваться периодами полусна, которыми он перебивался благодаря каталептическому узлу, чтобы не быть застигнутым врасплох.

Пятнадцать лет. Удерживай кланы зеленокожих на Корам Моте, — сказал магистр ордена. — Создавай им проблемы. Фокусируй их внимание на себе. Не давай увеличивать численность. Дай нам время, чтобы линейный флот Звездного Рифа смог достичь их основных миров и зачистить их.

— Как долго флот будет выходить на позиции? — спросил Приад.

— Недолго. Пятнадцать лет.

Вполне сносно. На мгновение Приада обеспокоило, что это довольно значительный промежуток времени. Два столетия, что Великий Петрок удерживал Анкилос, под конец могли показаться утомительными. Охота на стальных людей менее увлекательная, чем на зеленокожих.

Он почти на вершине. На юге встает одно из солнц. Свет желтый, лучи косые. Он видит яркое пятнышко, подобное остывающей звезде, на западе. Ходовые огни. Он слышит звуковой сигнал, на визоре загорается значок.

Осталось две минуты. Последние две минуты из пятнадцати лет.

На вершине зеленокожие. Для них он стал мифом, чудовищем, что охотился и убивал их по всему западному континенту в течение пятнадцати лет. Они хотят убить его, но убить его они не могут. Первого он мечом разрубает напополам, когтями бьет по морде другому. Появился вожак, вдвое больше Приада, смеющийся, словно людоед, утробным инфразвуковым ревом, топор занесен для удара.

Огромный, но слишком медленный. Приад из отделения «Дамокл», из Железных Змеев с Итаки, перепрыгивает через него, и, приземлившись позади, разрубает мечом похожий на ствол дерева позвоночник врага, вожак падает, издав булькающий звук разрезанным горлом — двигаться он больше не сможет. Приад отрубает гиганту руки — окровавленные руки, которые судорожно пытаются нащупать его.

Он наносит смертельный удар.

— Итака! — выкрикивает он первое слово, сказанное им за пятнадцать лет на Корам Моте — и последнее.

«Громовой ястреб» приближается, зависает над головой, приземляется на Смерть-гору, аппарат открыта, двигатели режут.

Пятнадцать лет прошли.

Интересно, куда они его отправят завтра.

Имморталис

Энди Смалли

Переводчик: godar

Я умираю. Но это не первая моя смерть. Прежде я умирал дважды. Кровь. Кровь была повсюду. Она покрывала мою броню как вторая кожа, так что под ней не было видно зазубренное лезвие моего Ордена. Она стопорила затупившиеся зубья моего цепного меча, душа его адамантовый рев. Оружие моих братьев тоже замолчало, утолив ярость в телах врагов. Зеленокожих лежало по пояс, неровная стена трупов громоздилась вокруг заполненных кровью воронок. Они атаковали нас в лоб, ревя как бешеные псы, когда примитивное оружие рывало в их лапах.

Но они ничего не знали об истинной ярости. Ничего о жажде крови, которая ведет в бой всех сыновей Сангвиния.

Моя кровь гудела в венах и горела, как тлеющие остатки военных машин орков, пятнающих равнину. Облако боевого гнева окутало меня, раскаляя мозг. Безудержная ярость вырвала рычание с моих губ, требуя, чтобы я убивал снова.

Я немедленно подчинился и в мгновение ока убил ближайшего человека. Влажные пластины его брони смялись под сокрушительным ударом моего цепного меча. Его тело разорвалось и упало. Пульс в моей голове ускорился как ликующий ребенок, когда я убил следующего гвардейца. Я убил еще одного, потом еще и еще. Люди умирали слишком легко, а я жаждал настоящего убийства. Я отбросил оружие и стал молотить бегущих слабаков бронированными кулаками. Не обращая внимания на укусы отчаянного лазерного огня, я обхватывал пальцами их головы и сжимал. Когда они лопались, мозги брызгали на мой шлем. Вонь крови и экскрементов походила на амброзию. Я купался в запахе, смакуя примитивную сторону смерти.

Что-то тяжело ударило в мой шлем. Я ощутил, как треснула челюсть. Перед глазами поплыло. Меня снова ударило, я споткнулся и упал.

Я долго считал, что после смерти меня заберет тьма. Вместо этого я проснулся и понял, что сам стал тьмой.

Облаченный в черную броню, я был зафиксирован магнитами, заключен в несущую десантную капсулу. Красные косые кресты пятнали мои наплечники и поножи. Только блестящий символ Ордена говорил, что я когда-то был в рядах Расчленителей. Со мной было девятеро моих новых боевых братьев. Их оптика прорезала во мраке багровые дыры. Они рычали вместе с грохочущей десантной капсулой. Злобное рычание вырывалось и из моего горла, звериный звук, которого я не узнавал. Я чувствовал, что мои мускулы напряглись под броней, увеличиваясь от желания рвать, калечить, убивать. Высотомер надо мной вел отсчет к нулю. На миг я увидел, как счет пошел в обратную сторону, вверх. Быстрее и быстрее, он подсчитывал жизни, которые я забрал и, конечно, еще заберу.

Капсула задрожала, когда ферритовые лепестки ударили по земле. Освободившись от уз, я помчался вперед, ведомый моими гремящими сердцами, вниз по рампе и дальше, в острый свет битвы.

Враг был повсюду. Грациозные воины в хрупкой броне сражались мечами, на которых потрескивали лазурные молнии. Другие, в более массивных, сегментированных доспехах, таких же черных, как мои, стреляли издалека залпами разрывных зарядов. Хрупкие чужаки завопили боевой клич и бросились к нам. Я рычал, ненависть рвалась из моего горла рокочущими волнами. Я мог ощутить запах их страха, их ужас при нашем прибытии и услышать слабый стук их чужих сердец. Моя рука с мечом взлетела и упала, взлетела и упала, подчиняясь собственному смертоносному разуму, когда я резал и кромсал с силой, которой прежде никогда не знал. Когда я ворвался в их ряды, оторванные конечности и искромсанные туловища полетели вокруг, как шторм из плоти. Мой гнев не стихал. Они все умрут. Я убью их. Я...

Кровь. Кровь, наполнила мой рот, когда трещащий меч пронзил мое основное сердце.

Тьма забрала меня. Но я не умер. Я был возрожден, мне подарили жизнь воплощенной смерти.

Когда я очнулся внутри, мой разум горел от мучительных обрывков видений. Кошмарные воспоминания о нейросверлах, костных пилах и емкостях биожидкости которые висели надо мной, как нити марионетки. Сангвинарные жрецы Ордена и технодесантники погребли меня в алмазиевой утробе дредноута. Меня преследовали пылающие воспоминания — бессильный гнев, который я чувствовал, привязанный к их столу. Я закричал. Вместо голоса зазвучал металлический рев. Мое смертное тело было разрушено, а голосовые связки давно атрофировались. Мой мир сжался до обрывков инфо-пакетов, которые поступали в мой мозг через сенсорий саркофага. Мои действия толковали священные машины и вокс-усилители. Я снова закричал, улыбаясь, когда слышал искаженный рев.

Я был только сталью и гневом.

Завопили тысячи сирен. Их непрерывный визг разжег мою ярость, они вытащили меня из моей дремоты и привели в сводчатый коридор. Изувеченные тела Расчленителей и истерзанные останки людей-ауксилариев покрывали пол тошнотворной пастой. Оружие гремело со всех сторон. Я зарычал в ответ и ударил по стене массивным силовым кулаком, дарованным моему алмазиевому туловищу. Я ринулся в смежный коридор, круша остроконечными пластинами моих ног выступающие позвоночники существ. Я ревел, ликуя, когда мои аудио-сенсоры улавливали треск хребтов ксеносов и передавали звук в мой мозг. Новая орда существ бросилась ко мне. Я поймал одно и моментально раздавил, из другой моей руки вырвался поток пламени, который смыл остатки орды и очистил коридор от их мерзкой заразы.

У меня за спиной раздалось рычание. Я повернулся, но недостаточно быстро. Чудовищная тварь с пастью, сочащейся огненной кислотой, бросилась на меня. Она взвизгнула от боли, когда мой кулак ударил ее в морду, но продолжала прижимать меня к стене. Ее когти, каждый длиной с мой корпус, вонзились в меня. Но я не почувствовал боли, когда она разорвала хватку и рассекла меня надвое одним текучим движением. Мой разбитый саркофаг упал на пол, словно стреляные гильзы какого-то могучего осадного орудия.

Мой силовой элемент поврежден. Работа моего мозга скоро прекратится. Я не проснусь после этой последней смерти. И я рад.

Лишь пепел остался

Ник Кайм

Переводчик: AlexMustaeff

Маглев спускался медленными, резкими рывками, издавая механические скрипы под тяжестью трех фигур в капюшонах и, несмотря на то, что был рассчитан на постоянные перевозки руды и грузов в Глубины, с трудом выдерживал их вес.

Издав пронзительный визг, подъемник намертво встал, оставив своих пассажиров в полной темноте на полпути в никуда.

— Нам нужно двигаться, — произнес стоящий впереди. Его руки были скрещены на груди, в темных низовьях подулья его властность просто лучилась из-под низко надвинутого капюшона.

— Уже, сэр, — второй, стоящий последним на площадке, опустился на колени рядом с взбунтовавшимся движком маглева. Тот немного дымился, где-то даже проскочил язычок пламени. На мгновение он слабо осветил лицо под капюшоном, и глаза, сочувственно вспыхнувшие красным огнем.

После нескольких секунд ремонта и бормотания проклятий первый вновь заговорил.

— Сколько еще?

Тяжелый удар закованной в броню ладони заставил двигатель с перебоями ожить.

— Уже, сэр.

Первый криво улыбнулся.

Спуск продолжился и в скором времени маглев окунулся в свет редких люминисфер Глубин. Как и в верхнем мире, в нижней части улья была развита тяжелая промышленность. Но в отличие от верхнего города, порядок тут был далек от совершенства, а в большинстве своем, вообще отсутствовал. Здесь были чудовища. Одного из них и искали эти трое. Они проследили его до этого погруженного во мрак места.

Пронзительно скрипевший маглев, с шумом качнувшись в последний раз, остановился, достигнув земли. В пяти милях от поверхности этот звук разнесся по всей территории Глубин.

Встревоженное внезапным шумом, в своих закоулках зашевелилось разное отребье.

Их здесь ждали. Трое знали это и были соответственно подготовлены. Но сейчас подонки прятались в тених, скрывались за пределами видимости, были безликими.

Ступив в просторный зал, с полом из металлических решеток и сплетением изрыгающих пар труб над головой, трое переключили внимание на окружающую обстановку.

Спустя несколько минут и несколько сотен метров их окликнул голос.

— Это частные владения, — слова растягивались, словно сказавшему было лень произнести их.

Трое одновременно развернулись и увидели причудливо одетого человека и еще пятнадцать с ним. Каждый из бандитов был увешан большим количеством оружия, от обычного вида до экзотического. Все были одеты в кожу и цветные банданы; главарь носил широкополую шляпу.

— Идите своей дорогой, — сказал им первый, надвигая пониже на глаза свой капюшон.

— Мы не можем этого сделать, — ответил главарь банды. Его дружки начали окружать троих. — Видишь ли, вы должны заплатить пошлину.

Третий, не произнесший ни слова с тех пор как они сели в подъемник, напрягся для нападения, но первый придержал его за руку.

— У нас нет денег. Я советую тебе еще раз — бери своих людей и иди своей дорогой.

Главарь банды явно был бойцом. Но также был идиотом.

— Не нужно денег, громила, — сказал он, намекая на размеры первого. Если они и произвели на него впечатление, то он ничем это не показал. То ли из-за пятнадцати дружков, то ли из-за того, что трое из них были громадными хроно-гладиаторами, заграждающими свет люминисфер. — Нам нужно ваше оружие, ваша кровь и ваши органы. Отдайте по-тихому, и я всё сделаю наименее болезненно.

— Вы совершаете ошибку, — произнес первый, и оба его компаньона развернулись, каждый лицом к своему участку сжимающегося кольца бандитов. Оба защищали друг другу спины.

— Вы не понимаете простую арифметику. Шестнадцать против трех — плохой расклад.

— Для вас — да, — негромко сказал первый.

— Дайте распотрошить их! — с яростью в голосе прорычал третий.

Первый был явно против этого, он убрал руку с меча под плащом, но затем уступил и сделал шаг назад.

— Быстро и тихо.

Главарь банды произнес команду и три хроно-гладриатора с ревом пришли в движение, круша всё пневмомолотами и электрохлыстами.

Проносась меж ними, тише и быстрее чем мог позволить полный комплект брони, третий обрубил им руки в потоках крови и масла. Блеющий звук срывался с рыхлых губ гладриаторов, падающих и умирающих от быстрой кровопотери, время остановилось на их часах.

Оставшимся бандитам, испуганным и лишенным дара речи, потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что произошло. Первым пришел в себя главарь, он нацелил дробовик в грудь третьему, но едва ли мог остановить его. Он замешкался, увидев под плащом меч, но времени выкрикнуть предупреждение уже не было, поскольку длинный когтяной коготь вонзился ему в грудь и, пройдя сквозь тело, вышел из спины.

Остальные продержались не долго. Один или двое получили по лазерному разряду. Громадный бандюган даже успел завести автопушку прежде, чем был раскромсан вместе с ней. Всего за девять секунд все шестнадцать подонков были мертвы, их кровь и внутренности раскрасили стены Глубины.

Когда всё закончилось, первый спросил:

— А как же тишина, брат Зартат?

— Вы же сказали «быстро», брат-капитан Агатон.

Агатон вздохнул. Если бы бывший Черный Дракон не был бы таким превосходным охотником, то он был бы рад оставить его на «Гневе Вулкана» с остальными Тремя.

— Они охраняли кое-что, — позвал второй из темноты.

Агатон и Зартат последовали к нему.

— Что ты нашел, брат Эксор?

Технодесантнику не нужно было отвечать. Это легко можно было увидеть, окруженное щебнем и многомесячным мусором и покрытое толстым слоем пыли.

Десантно-штурмовой корабль. С нанесенным символом ордена Злобных Десантников — крылатой молнией.

Агатон кивнул Зартату, и тот с проворством паука поспешно проник внутрь через рваную дыру в фюзеляже.

Прошло несколько минут, прежде чем он снова появился.

— Ну? — спросил капитан Саламандр.

— Куча тел, все принадлежат Злобным. Похоже, что он их всех убил.

Тревога Агатона усилилась.

— А наша добыча?

Зартат покачал головой.

— Только его запах. Он жив, но он не здесь. Лишь пепел остался.

Легкая добыча

К. З. Данн

Переводчик: d_xenon

Первым признаком того, что Темные Ангелы попали в беду, стал болтерный выстрел, который пробил насквозь визор в шлеме Иеремиила, болт взорвался в мозгу и убил брата на месте. Огромная фигура космодесантника неловко покачнулася и через секунду рухнула на пыльную землю городских трущоб, густая алая кровь окрасила темно-зеленый керамит силовой брони. Раздался резкий звук еще одного выстрела, однако, только что ставший свидетелем участи Иеремиила брат Тирах, опередил стрелка и ушел под прикрытие сборно-разборного барака. К этому времени третий выстрел дал о себе знать эхом, угодив в гофрированную металлическую стену наобум поставленного строения. Именно такие дома все вместе составляли сумбурное подобие городка, Тирах тут же засек местоположение стрелка и тип его оружия. Невидимый противник стрелял из болт-пистолета, что само по себе выглядело странно. Небольшой горняцкий планетоид по технологическому уровню недалеко ушел от использования паровых машин, но гораздо больше брата Тираха тревожила меткость стрельбы. Довольно сложно прицелиться и попасть в небольшой визор шлема со стометрового расстояния. Попасть в него с двухсот метров — божий дар, с трехсот — на грани невозможного.

Попасть с расстояния в четыреста метров может только сверхчеловек.

Четвертый болт-снаряд оставил по себе метку, за ним тут же последовал пятый, выстрелы пробили тонкий металл внешней стены жилища, потом то же самое произошло с задней стеной. Пара отверстий — "звездочек" появилась чуть выше плеча Темного Ангела, как некое доказательство прогресса. Прежде, чем стрелок нажал на курок еще раз, Тирах выбрался из укрытия и, двигаясь зигзагами чтобы затруднить прицеливание, перебрался к следующему барaku. Звук шестого выстрела раздался в холодном ночном воздухе...

Поначалу их миссия казалась такой простой. Этот мир собиралась зачистить Инквизиция, хотя ни Иеремиил, ни Тирах не посчитали нужным даже запомнить его название — оно не относилось к делу. Когда Ордо Еретикус запросила у Адептус Астартес помощи, отделение Темных Ангелов было отправлено, чтобы содействовать Инквизиции. Культ Слаанеш пустил в этом мире глубокие корни, они проникли в Администратум, который управлял добычей полезных ископаемых. Планетоид не просто мешал контрабандистам и пиратам, которые вели в подсекторе свой промысел, из-за запасов руды он представлял собой нечто большее. От идеи Экстерминатуса вскоре отказались, руда была жизненно необходима для производства некой миниатюрной детали, которая использовалась в танках, создаваемых соседним миром-кузней. Задача Темных Ангелов заключалась в уничтожении на планете всего живого, при этом инфраструктура должна была остаться неповрежденной и пригодной для повторного заселения.

Космические десантники быстро справились с истреблением потенциальных еретиков в двух больших населенных пунктах, и только зачистка удаленных горняцких поселков проводилась разбившимися на пары Темными Ангелами, которые несли туда правосудие Императора. Они не ожидали сопротивления и не собирались его терпеть...

Седьмой выстрел разбил окно и Тирах поспешно присел. Пока он добирался до следующей непрочной металлической конструкции, восьмой, девятый и десятый выстрелы безвредно просвистели мимо. Теперь Темный Ангел имел четкое представление о местоположении стрелка и, когда грянул двенадцатый выстрел, заметил, как дульное пламя вырывается из вдребезги разбитого окна рядом с дверью барака, в котором укрылся противник. Вытащив оружие,

космодесантник на ходу открыл огонь и переместился к последнему сборному сооружению перед целью. Едва он оказался под прикрытием здания, как грянули выстрелы начиная с тринадцатого по семнадцатый, болты беспорядочно ушли в сторону Темного Ангела. Стрелок, очевидно, дошел до отчаяния, теперь Тирах мог использовать это в своих интересах.

Темный Ангел смело выбрался из укрытия, в автоматическом режиме ведя обстреливая хибару, в которой укрылся противник. Добираясь до позиции вражеского стрелка, он полностью опустошил обойму. Из дома доносились крики, готовясь встретить сопротивление, Тирах поменял в болтере обойму, после чего сорвал переднюю гофрированную стену жилища так же легко, как ребенок обдирает с подарка оберточную бумагу.

В углу сборно-разборного барака, съживившись, прятались шахтеры, их было около десятка. Обостренные чувства Тираха уловили запах пота, который почти заглушал запах страха. Некоторые люди были уже мертвы, потому что попали под огонь Темного Ангела, другие же, плача и рыдая, умоляли Императора о пощаде. Главарем этих оборванцев оказался дрожащий старик, болт-пистолет он неуверенно навел на космодесантника, слезы стекали по морщинистому лицу, промывая глубокие дорожки в угольной пыли, покрывавшей щеки.

Тирах вскинул оружие, готовясь расстрелять еще одну обойму, но в этот миг догадка коснулась его, космодесантник слегка опустил болтер и в задумчивости склонил голову.

— Подождите. Как вы...?

Конец вопроса замер на губах, нечто обжигающе-горячее вонзилось между лопатками Тираха, вонь перегретого водорода и жареного мяса наполнила тесное пространство хибары. Тирах разжал пальцы, выронил болтер и свалился на колени, пытаясь набрать воздуха в израненные легкие, тем временем огромная тень накрыла и его, и испуганных шахтеров.

— Готово, — произнес голос, подобный уксусу и меду. — А теперь уходите.

Шахтеры не заставили просить себя дважды, помогая тяжелораненым и бросив мертвецов, они покинули разгромленный барак.

— Мое оружие, — произнес голос, когда старик попытался уйти.

Тирах чуть-чуть повернул голову и увидел, как старый горняк, перед тем как скрыться вслед за товарищами, передает болт-пистолет закованной в зеленую броню Темных Ангелов руке.

— Пожалуйста, брат. Тут какая-то ошибка... — произнес Тирах.

Второе сердце дрогнуло, хотя он понимал, что все равно умирает.

— Я уже давно тебе не брат, — ответила фигура, которая обошла по кругу сраженного космодесантника и остановилась перед ним.

Вновь явившийся носил стихарь поверх силовой брони, капюшон скрывал черты его лица. Ножны висели у незнакомца на поясе, он держал болт-пистолет в одной руке, и плазменный пистолет — в другой.

— Что ты здесь делаешь?

Тирах на мгновение растерялся.

— Я... Я здесь, чтобы исполнить волю Императора. Чтобы сохранить его владения свободными от порчи и еретической скверны.

— Император, ты говоришь?

Фигура в капюшоне на мгновение умолкла и присела так, чтобы лицо оказалось на одном уровне с лицом Тираха.

— Я знаю Императора. Это... — он указал на пронизанные болтами тела шахтеров в углу барака. — Это не его воля.

Прежде чем Тирах успел запротестовать, ствол пистолета одетой в стихарь фигуры очутился возле прикрытого шлемом лба Темного Ангела. Затылок Тираха разлетелся темно-красными брызгами, звук выстрела эхом отразился от металлических стен барака.

Эхо еще не замерло, а фигура в стихаре, словно призрак, уже исчезла в трущобах.

Чтобы помнили

Аарон Дембски-Боуден

Переводчик: Stahlmanns Eisenfrau

Некроном молча шел по городу мертвых — духовному центру этого в остальном бесполезного мира. Помощник следовал — точнее, тащился — за ним, отстав, как предписывала программа, на три шага. Он что-то бормотал себе под нос и постоянно крутил головой, наводя встроенный в глаз имагифер на разные объекты. Бормотание сервитора казалось неуместным, но с этим ничего поделать было нельзя. Привычка говорить с самим собой входила в число многочисленных поведенческих расстройств, которыми сервитор обзавелся за тридцать девять лет — именно столько времени прошло со дня, когда Эска купил его у старьевщика на своем родном мире.

Другим расстройством была хромота. Бионическая нога сервитора не сгибалась полностью, что осложняло ходьбу, и поэтому он передвигался неловкими, прерывистыми полушагами, а Эска был вынужден слушать грохот, с которым искусственная нога его помощника волочилась по мостовой.

— Провожу экспокоррекцию, — пробормотал сервитор, наклоня голову, и до Эски донеслось механическое урчание, которым сопровождалось это движение. — Коррекция перспективы завершена. Дополнительные запоминающие устройства заполнены на сорок семь процентов.

— Да, — тихо отозвался Эска. — Как скажешь, Солюс.

Имя «Солюс» выбрал для сервитора старьевщик, чтобы как-то к нему обращаться, отдавая команды. За все это время Эска мог бы уже отдать помощника на перепрограммирование — лоботомизированный бионический раб возражать уж точно не стал бы, — но одна мысль об этом вызывала в нем необъяснимое чувство вины.

Некроном натянул на голову капюшон, укрываясь от пронизывающего ветра. На этой планете даже в ветре чувствовался запах пепла. Иногда прошлое оставляет такие следы, которые не стираются годами.

«Если вообще когда-нибудь стираются», — подумал он.

Он приблизился к первой из гробниц, тянувшихся вдоль очередной аллеи. Памятник, вырезанный из черного камня, изображал еще одного воина-гиганта, лицо которого было скрыто под величественной, но ничего не выражавшей маской шлема. Статуя была установлена на постаменте из черного с белыми прожилками мрамора — камень, добытый на другой планете, привезли сюда, чтобы исполнить последний, самый священный долг. По двадцать таких статуй стояло вдоль каждой аллеи в этом городе мертвых: место поминовения для Адептус Астартес, а для ученых вроде Эски — еще и центр паломничества.

Эска встал на колени перед бронзовой табличкой и приложил лист пергамента поверх выгравированных букв. Хотя фиксировать все имена и надписи было обязанностью Солюса,

некроном любил иногда делать собственные записи. Ему казалось, что так его отчеты обретают содержательность. В работе некронома нет ничего сложного, но трудность в том, чтобы выполнить ее хорошо. Память — в ней все дело. В ней — и в правдивости переживаний. Одного списка имен недостаточно.

Стараясь не обращать внимания на боль в коленях, Эска начал тереть куском угля по пергаменту, делая оттиск надписи, что повествовала о подвигах воина. В который раз он поймал себя на том, что, опускаясь на колени, он упорно делает вид, что все еще достаточно молод для этого и может обойтись без стонов и вздохов, что в свое время издавал его отец, точно так же склоняясь у могилы.

А затем он услышал шаги.

Эска поднял голову. Зрение было уже не то, и ему пришлось пристально всматриваться, чтобы разглядеть дальний конец аллеи. Пять фигур, пять оживших статуй, и они идут в его сторону. Идут огромными шагами, и расстояние сокращается за мгновения.

— Здравствуй, — сказал идущий первым, тот, кто был облачен в черное. У его шлема была личина в форме черепа с глазницами, горевшими алым; череп скалился в ухмылке, словно знал все тайны мертвых.

— Я... Я... — Горло Эски сжалось, когда он попытался одновременно сглотнуть и закончить фразу.
— Я...

— ... мастер поговорить, — сказал другой, чьи плечи украшала перевязь из уродливых черепов каких-то ксеносов. Остальные воины-гиганты отозвались на это смешками, которые донеслись из вокалайзеров их шлемов как потрескивающий рокот.

— Я... — попробовал Эска еще раз. — Мне разрешили здесь находиться. У меня есть пропуск.

Только один из воинов носил черный доспех. Броня остальных была глубокого синего цвета — такого цвета бывают океаны на иных, лучших планетах, оставшихся незапятнанными. Один из них, в алой мантии поверх доспеха, опирался на тяжелый топор.

— Пропуск у него есть, — сказал он.

— Потрясающе, — изрек другой. У него был белый шлем и громоздкая перчатка на руке, оснащенная сканером, который постоянно пощелкивал, и набором инструментов вроде трепанов и медицинских пил. Эска с трудом заставил себя отвести взгляд от этих пыточных орудий и трясущимися руками стал рыться в сумке в поисках пропуска.

— Хватит, — сказал воин в черном. На плече он держал зверского вида боевой молот, изобильно украшенный письменами на готике. — Мои братья лишь подтрунивали над тобой, они не хотели тебя оскорбить. Вот он — сержант Деметриан, а это брат Имрих, брат Тома и аптекарий Вэйн. А кто ты?

— Эска, — ответил он. — Эска из Тереша. Я некроном, лорд, и здесь по поручению моего ордена. Я записываю...

— Мне известно, чем занимаются некрономы, Эска из Тереша.

Все еще дрожащими руками старик протянул воину пропуск. Он так и не поднялся с колен. Он не был уверен, что сможет.

— Вот он, лорд. Мой пропуск. Посмотрите.

— Не нужно показывать мне пропуск, Эска, и я никакой не лорд. Я капеллан, а зовут меня Арго. Обращайся ко мне или по званию, или по имени. Зачем ты здесь?

Старик опять с трудом сглотнул и указал на статую, у ног которой стоял:

— Я записываю истории павших. Их имена. Их подвиги.

— Я спрашивал тебя не об этом. — Капеллан поднял руки к горжету и расстегнул гермозатворы. С тихим шипением вырвался наружу сжатый воздух, и воин снял шлем. Лицо его оказалось... молодым. Эска едва мог в такое поверить. Настоящий гигант, а на вид — лет двадцать-тридцать.

У воина были светло-голубые и на удивление добрые глаза.

— Я спрашивал, — продолжил капеллан, и без потрескивания вокса его низкий голос обрел чистоту, — зачем ты прибыл на Мир Ринна? Имена всех наших павших записаны. Все внесены в списки, и в не одной сотне архивов.

Эска почувствовал, что, кажется, краснеет.

— Я не только выполняю свой долг, но и совершаю паломничество. Мне всегда хотелось побывать здесь, в Некрополе, хотелось увидеть его собственными глазами. Мой орден ищет места, где смерть оставила особенно сильный отголосок, места, где прошлое и его переживания не стерлись. Мы... мы собираем память о мертвых. Символы, их олицетворяющие. Нерассказанные истории. Случаи, которые в итоге забудутся и никогда не попадут в обычные безликие архивы.

Арго присел рядом со старым некрономом. Силовой доспех издавал непрерывное гудение, от которого у Эски занули зубы. Черная керамитовая броня отзывалась глухим рыком на каждое движение ее владельца.

— Это кладбище Багровых Кулаков, — тихо сказал капеллан. — Иногда — очень, очень редко — мы и сами совершаем сюда паломничество. Приходим, чтобы помолиться, подумать, вспомнить — а затем вновь отправиться к звездам. Ненависть ведет нас в новые крестовые походы. Сожаление заставляет вернуться домой. Стыд не дает остаться.

Арго помог старику подняться на ноги и поддерживал первые несколько шагов.

— Хочешь добавить кое-что к своим архивам? Что-то кроме сухого и бесстрастного перечня имен?

— Воин указал на забытый лист пергамента, так до конца и не заполненный.

— Почту за честь, лорд.

— Арго, — поправил Эску капеллан, еле заметно улыбнувшись.

Один из воинов выступил вперед. И наплечник, и вся левая рука у него были выкрашены в серебряный цвет; на доспехе был изображен символ Священной Инквизиции.

— Я Тома. Воина, с чьего надгробия ты делал оттиск, звали Атрэн. Да будет записано в твоём иноземном архиве, что Атрэн стрелял из болтера с нещадной меткостью. Ни разу не видел, чтобы он промахнулся.

— Я Имрих, — заговорил следующий, тот, кто носил перевязь из черепов ксеносов. — Однажды Атрэн побил меня в кулачном бою. За это я его так и не простил.

Затем вперед вышел воин в белом шлеме:

— Я Вэйн. Именно я извлек геносемя Атрэна. Его генетическое наследие живет в другом воине ордена. Пусть это будет записано в твоём архиве, Эска из Тереша.

Последним выступил гигант в алой мантии, вооруженный топором:

— Я Деметриан. Атрэн умел смеяться так, что его братья забывали обо всех сомнениях. Запиши, что он — один из тех погибших воинов, кого нам, выжившим, больше всех не хватает.

Эска лихорадочно записывал каждое слово, не обращая внимания на боль в пораженных артритом пальцах. Наконец он посмотрел на Арго:

— А вы, лорд?

Капеллан не ответил. Между ним и старым некрономом промелькнуло что-то — мгновенное понимание, которому слова не нужны. Арго повернулся, снял латную перчатку и вынул гладиус из ножен на бедре. Провел клинком по ладони — кровавая линия окрасила алым металл. Ничего не говоря, воин прижал рассеченную ладонь к груди статуи.

Так же поступили и остальные воины. Все пятеро почтили павшего брата, прикоснувшись к холодному камню обгаженными ладонями. Единство, перед которым смерть бессильна. Дружба, для которой даже могила не станет преградой.

— Солюс, — прошептал Эска.

— Слушаюсь, — отозвался сервитор, расшифровывая намек хозяина. Имагифер защелкал, записывая этот удивительный, необыкновенный миг. Мало кто за всю историю Империи получал шанс стать свидетелем того, как Адептус Астартес отдают почести своим павшим товарищам в таком сокровенном ритуале. Эска служил своему ордену долгие годы, побывал более чем на тридцати планетах, но за это время не видел в архивах даже косвенных упоминаний о чем-то подобном.

Его запись станет первой.

Завершив обряд, воины надели латные перчатки. Арго сотворил знак имперской аквилы, сложив руки поверх нагрудника.

— Помни нас, Эска из Тереша. Помни Мир Ринна, помни Атрэна из Пятой роты.

— Я буду помнить. — Он с трудом мог говорить. — Буду.

— Хорошей тебе смерти, — пожелал капеллан, надевая шлем. Личина-череп превратила последние слова в бездушное рычание вокса. — Но прежде чем это случится, хорошей тебе жизни.

Слабость других

Лори Голдинг

Переводчик: Voss

Огнемёт массивен, непривычен для моих рук, намного тяжелее пистолета в кобуре. Полузабытые тренировки направляют мою руку. Открываю резервуар, регулирую угол воспламенения. Снимаю с предохранителя и нажимаю спусковой крючок.

Изнутри раздаются новые крики и взрывы неиспользованных болтерных снарядов, рвущихся в своих магазинах. Жар пламени поднимает пар с замерзшей земли со всех сторон.

Движение.

Грохот бронированного тела, катающегося по земле. Шаги. Неистовые.

Не раздумывая, поднимаю огнемет и бью Дитем Кровопролития по широкой дуге. Мой расчет времени идеален — визжащие зубья цепного топора встречают пылающего человека в тот же момент, как он появляется из арочного прохода, разрубая горжет, плоть и кости. Его голова падает на пол прежде, чем он почувствовал новую боль от удара.

Показания счета на моем визоре отмечают убийство. 1302.

Значок маленького красного черепа вспыхивает рядом с цифрой, когда телеметр передает местоположение. Я не знаю, кто получает данные. Я знаю лишь, что после возвращения жертвы всегда ждут меня — новые черепа, сваленные в кучи на моем боевом посту.

Никто не превзойдет мой счет сегодня.

Старый Легион поощрял «Состязание». Несомненно, когда я впервые оказался перед центурионом Грунером на учебных полигонах Бодта, вместе с другими рекрутами, приписанными к его тренировкам, это была уже сложившаяся традиция. Магистр Рекрутов, рожденный на Терре ветеран Объединительных войн, долго смотрел на нас, прежде чем зарычать со своим резким йерманским акцентом.

— Вы слабы. Я вижу это, просто взглянув на вас. Вы сильнее, чем когда-нибудь были ваши друзья и родные, можете благодарить за это Императора. Но я не думаю, что внутри хотя бы одного из вас есть огонь.

Мы нервно переминались под взглядом этого гиганта, его обнаженный торс пульсировал сверхчеловеческой силой и щеголял искусно сделанной татуировкой какого-то хищника из псовых, впивающегося в свою жертву. Хотя шрамы от усиливающей хирургии были все еще свежи, нас посчитали готовыми начать тренировки легионеров.

— Мы начнем не с болтеров и топоров, — продолжил он. — И я не скажу вам, как зашнуровывать ботинки. Вместо этого я покажу, как Псы Войны узнают кто лучший.

Центурион вытащил предмет из холщевых мешка на бедре и почтительно протянул его нам. В тусклом свете зари из-за огромных пальцев смотрели пустые глазницы, гладкая кость была отполирована почти до блеска.

— Все легионеры участвуют в Состязании. Правила просты — первым собрать тысячу черепов.

По группе пробежался возбужденный рокот. Один неопит поднял руку.

— Милорд, что мы выиграем?

Грунер пожал плечами. — Неизвестно. Никто еще не приблизился достаточно близко.

Когда он заботливо положил череп на место, я осторожно поднял руку.

— Милорд... где нам достать черепа?

Татуированный гигант заревел от хохота, привлекая внимание других легионеров и неопитов, ставших свидетелями моего первого унижения.

Несколько раз судорожно моргнув, я избавляюсь от воспоминания. Мои чувства вернулись. Я взвалил огнемет на плечо и ускорил шаг.

Дорога под ногами ненадежна. Кровь, которая прежде свободно текла по плитам, теперь замерзает из-за стремительно падающей температуры скалатракской ночи. Доспехи павших покрывает изморозь, а там где поработало Дитя Кровопролития, их отмечают более темные пятна киновари.

Я определенно не сталкивался с таким холодом. Это не глубокий холод тундры на Гедрене V, и не ледяные бури, которые вычищали горные дороги на Текели. Этот холод обжигает и кусает. Холод, который грозит похитить внутренний огонь.

Но не у меня.

Победа или смерть. Сыны Агрона никогда больше не проиграют. Я не позволю. Наши враги падут, или же вместо них мы предложим Кхорну себя.

К западу, в темноте раздается вой очередной звуковой атаки. Мои ботинки скользят по обломкам, когда я иду обратно на звук, внутри меня снова поднимается ярость. Фулгрим возможно бросил их, но его ублюбочные дети заплатят за...

Я слишком поздно заметил засаду. Время замедляется.

Тени вокруг меня взорвались вспышками болтерного огня, снаряды рвутся и пробивают осколками плоть моей обнаженной руки. За миллисекунды до прыжка я насчитываю трех стрелков и еще одну укрывшуюся фигуру.

Пистолет оказывается в моей руке до того, как я отрываюсь от земли, и вспышка раскаленной плазмы испаряет голову ближайшего нападавшего. Мимолетное сожаление из-за потери черепа.1303.

Шальной снаряд бьет в мой нагрудник, меняя направление моего прыжка и вынуждая меня убить спрятавшегося воина спонтанным обратным ударом. Я разворачиваюсь, чтобы разрубить болтер третьего, после чего опрокидываю его бессознательное тело на землю и швыряю Дитя Кровопролития влево. Цепной топор вонзается глубоко в горло последнего легионера, и артериальная кровь бьет в сводчатую крышу аркады.1305.

Ярость стихла. Я стою над распростертым воином, который шарит рукой в поисках оружия.

Слова. Гнев. Его лицо знакомо мне.

Грунер.

Он лежит среди тел наших павших братьев и говорит о безумии и предательстве. Он прокликает меня, чемпиона-берсеркера, который будет терзать свой Легион вновь и вновь.

Воспитатель щенков. Кто ты такой, чтобы сомневаться во мне?

Я первым взобрался на стены Императорского Дворца. Последним покинул Терру, при взятии Львиных Врат мое тело было изнурено убийством одного миллиона слуг Императора. Никто и никогда не превзойдет мой счет.

Состязание закончено. Я победил.

Причина, по которой нас победили — слабость других. Слабость в других легионах, и нашем собственном. Если это все, что осталось от чести Пожирателей Миров, тогда я рад, что меня называют их предателем.

1306.

Всё — прах

Джон Френч

Переводчик: Voss

Останется только прах. Прах и пустота. Я не знаю, кто я. У меня было имя, но оно исчезло. Я — ничто. Я заперт в темноте, без конца падая сквозь разбитые воспоминания.

Я помню синее. Синим было небо, исполосованное красным огнем. Я чувствовал запах дыма. На горизонте были пирамиды. Из трещин в их стенах вырывался огонь. Мертвые скользким ковром устилали землю. Среди тел стоял воин, его серый доспех забрызган, рот открыт, как у тяжело дышащего пса. Его зрачки — черные дыры в янтарных оболочках. Кровь пульсировала в моих венах, ревела в ушах. Я бежал, стреляя на ходу, каждым шагом вдавливая мертвых в кровавую грязь. Оружие в моих руках дрожало с грохочущим ритмом. Серый воин зарычал и прыгнул мне навстречу. Снаряды попадают в землю вокруг него, выбивая красные воронки в мертвой плоти позади его ног. У него топор с обухом из черного железа и шириной с грудь человека, режущая кромка изогнута, как улыбка черепа. Я помню свист этого оружия в воздухе. Топор ударил в мой бок. Он вошел глубоко. Я помню боль, яркую как звезда и холодную как лед. Я истекал кровью, красная жидкость бежала по красному доспеху, по золоту, сочилась на землю. Я поднял глаза, когда воин выдернул свой топор. С лезвия капала кровь. Она блестела на солнце, багровая на фоне синего неба. Тогда я свалил его, я стрелял в него, пока он не превратился в разбитый доспех и куски мяса. Я убил его, прежде чем смерть смогла забрать меня. Я помню, что чувствовал в этот момент гнев и удовольствие, но не знаю почему.

Воспоминание исчезает. Я снова один. У меня есть форма. Она человеческая, но я — пуст. Я всего лишь очертания. У меня есть руки, но я не могу прикоснуться. У меня нет рта, но я кричу с тех пор, как началось мое падение. Я хочу дышать, но не могу. Я не могу вспомнить, как это делать; только то, как тонуть в бездне, тонуть, не опускаясь на дно.

Время идет. Я чувствую его ход, подобный ветру, хоронящему в песке статую.

Когда-то у меня было имя. Оно — эхо, исчезающее, но не полностью, всегда за пределами слышимости. Когда-то я был плотью, но она исчезла.

+Гелио Исидор+

Голос приходит ко мне из черной ночи. Я знаю это имя, но не помню почему.

Я помню огонь. Он был абсолютно белым, цвета ядра солнца. Он грянул с черного неба и преобразовал меня. Я упал на руки и колени. Земля подо мной — красная пыль, цвета ржавчины, цвета высохшей крови. Боль, более жгучая и резкая, чем любая рана, наполнила меня. Я не мог видеть; огонь сначала лишил меня глаз, потом языка, прежде чем я смог закричать. Внутри доспеха вздулись мышцы, давя на металл. Огонь горит во мне, покрывая волдырями мою кожу. Я чувствовал, как на моем теле открываются рты, тысячи ртов с острыми зубами, каждый бормочет мольбу остановить боль. Огонь прошелся по моему телу, как руки сквозь жидкую глину. Я задыхался, словно утопая в песке. Ядовитое прикосновение паники сожгло мою плоть. Я не мог дышать. Я не мог двигаться.

Все остановилось. Словно бритвой провели по памяти, жесткой линией отделили меня от всего, что было раньше.

Я ничего не чувствовал.

Я медленно встал, прах сыпется из моего доспеха. Я начинаю идти, один медленный шаг за раз. Густой туман окутывает мир. Рядом со мной двигаются другие призраки. Они неуклюжи, как ожившие статуи. Где-то вдалеке я вижу группу фигур. Золотой свет очерчивает их формы. Они стоят, словно ожидая. Я иду к ним, к свету. Я не могу вспомнить свое имя.

Воспоминание разрушается, и я медленно вращаюсь сквозь пустую тьму.

+Гелио Исидор+ Это призрачный голос, кричащий из тьмы.

Я вижу свет. Он далекий, как луна, мерцающая из-под волн. Свет становится ярче и ближе. Я поднимаюсь из тьмы. Невидимые руки тянут меня. Я чувствую пальцы, сжимающие плоть, которой у меня нет. Я пытаюсь остановиться. Я не могу. Свет становится все ярче и ярче; это солнце, от которого я не могу отвернуться.

+Гелио Исидор+ снова говорит призрачный голос. Я тону, но не могу дышать. Я стучу руками. Холодный металл обездвиживает меня. Я — вихрь праха, грохочущий в металлической коже.

+Гелио Исидор+ говорит голос, который оказывается мыслью.

Я знаю это имя.

+Гелио Исидор+

Это мое имя.

Я вижу.

Мир — движение, и огонь, и рев далеких звуков. Я стою на поле брани из прыгающего огня и тающего снега. Рядом со мной фигура человека. Он носит доспех синевы пустынного неба, а его шлем поднимается в лазурно-золотой гребень. Вокруг него трепещется шелковая мантия, хотя ветра нет. Он сияет золотым светом, наполняющим мои глаза. Он более реален, чем все остальное, что я вижу. Это его голос звал меня из моего сна; я знаю это, но не знаю почему. Он поворачивается и указывает. Я шагаю вперед. В моих руках оружие. Я вижу воина в доспехах, идущего к нам. Его доспех сер, как штормовые облака. Я стреляю. Синие следы пламени находят серого воина, и он опускается на колени, после чего загорается. Я иду вперед, рассматривая мир вокруг меня. Рядом со мной наступают другие воины в синих доспехах; мы двигаемся как один.

Ко мне движутся серые воины. Они высоки, но сутулятся из-за спешки. Я вижу топоры, мечи, и серый доспех, раскрашенный неровными узорами ярких цветов. Я вижу черные зрачки в расширенных желтых глазах. Они кричат на ходу. Я слышу их. Я понимаю их. Они кричат о мести.

Удар поражает мое плечо. Он разрезает металл доспеха, обнажая черную пустоту внутри. Я ничего не чувствую. Разрез светится; он порождает зеленых светлячков, а затем смыкается, как закрытый рот. Я поворачиваю голову. Я вижу воина, который отводит меч от другого удара. Его лицо неприкрыто, а борода влажная и красная от крови. По лицу тянется разрез от виска к щеке. Я вижу белую кость в открытых краях раны. Он в шаге от меня. Я не знаю, как он подошел так близко.

Я стреляю. Мое оружие наведено вниз, и снаряды отрывают ноги воина в пламени, которое пылает даже после его падения. Его плоть начинает гореть внутри доспеха.

Я делаю шаг вперед, ступая сквозь пламя. Я останавливаюсь. Воспоминания кружатся в темноте внутри моей кожи, скрипя как песок о бронзу. Я смотрю, как горит серый воин, как становится пеплом, становится прахом. Я знаю, это должно что-то значить, но в моей памяти только пустота, которая заглушает все остальное. Я — очертания, сохранившиеся во сне о падении, и этот момент ничего не значит.

Дурной глаз

Дэвид Эннэндейл

Переводчик: AlexMustaeff

Глаза у Беккета были беспокойные, и это мне не нравилось. Нас обучали в Схоле Прогениум выявлять ранние признаки изменений в политике и нарушений служебных обязанностей. Это

предполагало наличие способности читать язык тела и понимать все его нюансы. Ханс Беккет не был предателем, и он не был трусом. Но время, проведенное в заключении, сломало его, физически и морально, так же как пески Голгофы разрушали металл и плоть наших войск.

Я наблюдал за Хансом уже несколько смен. Не могу сказать, сколько это в днях. Понятие времени, как последовательности моментов, наступающих из бесконечного потенциала будущего, чтобы стать достаточно ясным и определенным прошлым, было роскошью, которой были лишены рабы на космическом скитальце Гхазгулла Маг Урук Трака. У нас был лишь мучительный крик вечного настоящего. Существовал лишь труд, кнут, агония, смерть. Раньше я пытался высчитать продолжительность смен, но орки делали все эти попытки напрасными. Они просто заставляли нас работать до тех пор, пока количество обмороков от истощения не становилось чрезмерным. Тогда орки загоняли тех из нас, кто еще был жив, обратно в клетки. В них мы спали — и это было лучшее, на что мы могли рассчитывать, ожидая мучительного бодрствования.

Беккет и я перевозили трофеи. Это был всевозможный хлам, собираемый с кораблей, которые вместе с центральным астероидом составляли скитальца. Мы тащили тяжелые, неповоротливые тележки со всяким барахлом на большой склад, где нелепые орочы подобия технопровидцев разбирали эту рухлядь. Мы тянули тележки за цепи, но сами прикованы к ним не были. Орки не беспокоились. Куда мы можем пойти? И что за развлечение избивать до смерти отставших, если таковых не было?

Глаза Беккета бегали туда-сюда, словно у неисправного боевого сервитора, ищущего цели. Ханс неосознанно искал повод наброситься на врага, полагая, что этим совершит акт гнева и благородства, но он ошибался. Спонтанный мятеж в этом ужасном месте был бы актом отчаяния. И результат будет лишь один.

Я хотел не этого. Из людей, прилетевших со мной на Голгофу, в живых осталось лишь немного. И наше задание не закончено. Трака всё еще жив.

Беккет находился в нескольких метрах передо мной. Он из последних сил тащил свою тележку, это было видно по его сильно напряженной спине. Он был на грани. Я попробовал подобраться поближе. Это оказалось трудно. У меня была лишь одна рука, чтобы тянуть свою цепь. Моя боевая клешня давно пропала, став трофеем Трака. И я уже не молод. Тем не менее, я сумел подобраться на расстояние двух метров к нему и рискнул заговорить.

— Рядовой Беккет.

— Комиссар?

Я привлек его внимание, но тут идущий впереди человек споткнулся. Это был еще один гвардеец, в одетых на нем тряпках угадывалась мордианская униформа. Не думаю, что он был с нами на Голгофе. Судя по его виду, он здесь уже очень долго. Тем не менее, он не упал и не выпустил из рук цепь. Он просто споткнулся. Но этого хватило стоящему рядом орку-охраннику. Зеленокожий взревел и набросился на него с кнутом. Этот кнут представлял собой длинный гибкий металлический кабель, усеянный острыми лезвиями. Он захлестнулся вокруг шеи мордианца. Орк с силой дернул. Кольца кабеля натянулись, сжимаясь и разрывая плоть. Голова человека отлетела. Орк снова взревел, на этот раз радостно.

В тележке Беккета лежал тяжелый обрубок трубы. Я видел, что Ханс смотрел на него и раньше. Теперь он схватил его, бросив цепь на землю.

— Беккет, нет!

Но тот уже набросился на орка, врезав трубой по голове монстра. Тот в ответ одним ударом свалил Беккета. Шипы наручей порвали ему щеку, и я услышал хруст сломанного носа. Орк

наступил железным ботинком на грудь ошеломленному гвардейцу. Убрав кнут, зеленокожий достал огромный топор, висевший на поясе и занес его для удара. Глупые глазки с негодованием смотрели из-под густых бровей на Беккета.

Я шагнул вперед и пристально взглянул в глаза орка.

— Нет, — сказал я, но на этот раз охраннику, ледяным тоном и на орочьем. Я чувствовал отвращение, пользуясь этим грязным языком, но это удивило охранника. Орк засомневался.

Я выдерживал взгляд орочьих глазок своим единственным. Я смотрел на него снизу вверх, немного опустив голову так, чтобы в моей пустой глазнице было больше теней, больше тайны. Я был немолодым, одноглазым, одноруким человеком, попавшимся на глаза орку. Я должен был быть уже мертв, вокруг должны быть раскиданы мои внутренности. Но я был Ярикком, и у меня был дурной глаз. Я убивал орков взглядом. Скотина передо мной знал это. И сейчас именно это я и делал. Поскольку жизнь Беккета висела на волоске, я направил в свой глаз всю свою веру в Императора и всё свою ненависть к оркам кристальным, несокрушимым убеждением в гибели зеленокожего. Я был тем, кем они меня считали.

Топор дрогнул. Орк отвел взгляд от моего глаза и опасной пустоты глазницы, неуверенно огляделся. Что-то привлекло его внимание на высоких мостиках, скрытых во тьме над головой. Он, отпихнув ногой Беккета и дав ему пинка под зад, побежал вниз мимо рабов, рыча себе под нос.

Пока я помогал Беккету подняться, основание шеи начало покалывать. Я взглянул в окружающие нас тени. Я почувствовал присутствие чего-то огромного. Он затаился где-то наверху. Орк. Трака.

Я не мог видеть его, но надеялся, что он видел взгляд моего глаза.

Надеюсь, в нем он увидел свою смерть.

Армия из одного

Роб Сандерс

Переводчик: AlexMustaeff

Сквозь переохлажденный металоновый туман проступает лицо.

Нейросоединение выжигает его очертания в моем мозгу. Это лицо. Я знаю это лицо...

Я пробираюсь сквозь свои кошмары. Царство полувоспоминаний, лабиринт сумрачного абсурда.

Вот я один, уличный беспризорник, дрожащий в нищете и темноте главного улья. Вонь от куч химических отходов жжет мои ноздри так же, как когда-то.

Я фыркаю и оказываюсь уже тощим юнцом, вокруг толпа и давка: идет вербовка в Имперскую Гвардию, вокруг шепчутся о великой войне, надвигающейся на Проксима Апокрифис. В ней Апокрифской Горте уготована выдающаяся роль. Я три дня простаиваю в беспокойной очереди, только для того, что бы услышать издевательский смех младшего офицера и его прислужника-сержанта. Я разворачиваюсь и ухожу.

Я несусь прямо в какофонию выстрелов. Подулье, я бегу вместе с Кровавыми Молниями. Ощущаю медный привкус возбуждения от перестрелки, мимо проносятся пули, в прорехах ржавого ограждения мелькают блестящие клинки стилетов. Это Спуск Тритуса. Мы на территории Охотничьих Собак — и под «мы» я имею в виду меня и Счастливого. Я помню жар, с которым пуля предателя вошла мне в спину, звук его убегающих шагов, когда он бросил меня умирать. Оставил меня Охотничьим Собакам. Жестокому судье Коркорану и его силовикам из улья. В

переполненной инкарцетории, где я заключен в тесной камере, где можно только стоять. В тяжелом труде, выполняемом командами по строительству шпиля.

После высоты и вызванной ей гипоксии — снова плен. Я продан и брошен в клетку. Клетку для рабов. Загон для одной из множества гладиаторских ям главного улья. Теперь я одно из животных, существующих лишь для того, чтобы нести смерть другим. Животное, которое попало на глаза некоему барону Кравиусу Блюмолотову — обрюзгшему племяннику такого же обрюзгшего старшего планетарного лорда-губернатора. Он приходит к моей клетке ночью — когда заканчивается моя кровавая работа — и запускает свои жирные пальцы в мои слипшиеся от крови волосы. Благодарность выродка. Милость изверга.

— Мой верный раб, — шепчет он успокаивающе.

Но вот еще раз моя кровь и плоть в цене. От предложения иномирца даже гнусный барон не может отказаться.

Далеко-далеко во тьме я вновь испытываю такой страх в агонии и осквернении плоти, о причинении которого любой боец из гладиаторских ям или бандит подулья даже не могли мечтать. Я обрел... Клада и их мучительный дар нового бытия. Моё тело стало производением их темного искусства: хирургический шедевр генетической и кибернетической аугметики.

Гипертрофированная мускулатура, наложенная на сломанную, переконструированную, а затем укрепленную раму экзоскелета. Для них я — воплощение химического оружия. Во мне столько боевых наркотиков и препаратов, что сворачивается кровь и горят вены; эти сильнодействующие средства вызывают зависимость, и я уже не смогу без них жить. Психологическая обработка окончательно уничтожает то, что еще оставалось от моей личности в этом чудовищном создании Клады. Я — катастрофа. Я — холодная ярость. Я — беспричинная жестокость, чистая и направленная. Я — живое оружие, всегда готовое к бою.

Я — эверсор.

Только после этого я встречаюсь с тем, по чьему замыслу рождаются подобные мне чудовища. Они зовут его Сигиллит. Он прививает моим мультисердцам глубокую любовь к Императору и бездонную ненависть к его врагам. Из его губ я слышу свое имя, кажется, впервые за целую вечность.

— Ганимус...

Через нейроканал он показывает мне это лицо. Лицо, которое мне знакомо.

— Ганимус... — говорит Сигиллит. — Теперь этот человек стал нашим врагом. Он — пешка Воителя. Безбожный еретик. Ты должен с ним покончить, Ганимус, — и со всеми, кто его поддерживает.

Переохлажденный металоновый туман рассеивается.

Небытие криосна само становится сном. Я слышу вой, с которым спусковая капсула падает сквозь атмосферу, я лечу словно бомба, словно молния, словно месть Императора сквозь небеса цвета расплавленного свинца. Толчок отвлекает меня от моего полета-кошмара. Передача данных на кору мозга завершена. Моё задание — это подавляющий разум контроль, которому я не в силах противиться. Моя цель для меня всё — она тянет меня с непреодолимой силой притяжения звезды. Неутолимый гнев — это всё моё естество.

Я прорываюсь наружу сквозь листы капсулы, словно из металлического чрева. Костюм-перчатка цвета полуночи плотно обтягивает тело, наполненное ужасным потенциалом. Накачанный до чудовищности — гротеск, вылепленный из плоти и ненависти, — я вновь ступаю на пепел

Проксимы Апокрифис. В тень главного улья и холодный мрак, что когда-то я называл домом. Вытаскиваю из поясной кобуры свой «Палач» и вытягиваю пальцы, обтянутые начиненной токсинами нейроперчаткой.

Сквозь оптику черепа-шлема я вижу, что на шпилях дворца развеваются знамена Хоруса. Глаз Воителя, наблюдающий за приближением убийцы. Шаг за шагом — все быстрее, скорость и ярость нарастают — вперед, через наполненные отбросами трущобы. А затем убийство начнется. И его не остановить.

Я питаюсь смертью. Жители улья, фабричная чернь и враждующие группировки — все умрут на моем кровавом пути. Я утоляю свою страсть к разрушению. Падают дымовые трубы, рушатся фабричные здания, полыхают пожары.словно зверь, я прорываюсь сквозь силовиков, посланных остановить меня, прежде чем в сражение вступят предатели из Третьей Апокрифской Горты. В городских кварталах я устраиваю для них ту самую войну, которую они ждут, вырезая простых солдат как скот, прежде чем вырвать сердца их командиров-еретиков. Я не оставляю Воителю ничего, кроме ошеломленных юнцов и мертвых трусов. Я врываюсь на территорию дворцового шпиля словно монстр, поднимающийся из глубин. Я проливаю благородную кровь, расчленяю сильных мира сего одного за другим и, в конце концов, добиваюсь аудиенции у верховного лорда-губернатора.

То самое лицо. Это лицо я знаю.

— Я верный подданный Императора, — блеет Кравиус Блюмолотов, бывший барон.

— Нет, — шепчу я. — А вот я — да.

Мой голос дрожит. Мне теперь не до слов. Я больше не могу сдерживать кровавую ярость и даю ей выход. Я эверсор. И я стал мстью.